

Интеллектуальное событие

От редакции

Продолжаем публикацию статей, посвящённых разработке методологической проблематики анализа поколений советских философов. Сердечно благодарим Ю.В. Синеоку за эту возможность. Хотя статья С.Н. Корсакова и А.В. Козенко опубликована уже давно¹, для читателей журнала она послужит прекрасным введением в биографический пласт этой проблематики. Вторая статья С.Н. Корсакова показывает, как её автор воплощает в собственную исследовательскую практику уже ранее полученное им знание. Тем самым возникает новое исследовательское поле, синтезирующее эпистемологию, биографику, архивистику, науковедение, когнитивистику, историю философии, теорию поколений и теорию контекста. Статья Д.И. Дубровского тоже может быть прочитана под таким углом зрения.

В.П. Макаренко

ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ БИОГРАФИКИ

С.Н. Корсаков

Институт философии РАН,

А.В. Козенко

Объединённый институт физики земли РАН

Аннотация: *В статье предпринята попытка нащупать подходы к решению задачи научной реконструкции биографии. Философской основой биографики признается теория человеческой индивидуальности. Предлагается понимание объекта биографии, применяемых при его изучении методов изучения жизненного пути индивидуальности. Особое внимание уделяется проблеме соотношения объективного и субъективного в биографическом исследовании. Авторы делают вывод о принципиальной возможности научного познания объекта биографического исследования. Осуществляя объёмную реконструкцию личности, биограф должен показать личность как развивающееся органическое целое, выявить пунктир единой линии жизненного пути. Биографическая целостность личности реконструируется в структурном и динамическом аспектах. Специально рассматриваются особенности жанра автобиографии и проблемы реконструкции в биографии личности учёного.*

Ключевые слова: *человеческая индивидуальность, биография, биографика, автобиография.*

¹ См.: Корсаков С.Н., Козенко А.В. Об эпистемологических основаниях биографики // Архив истории науки и техники. Вып. III. – М.: Наука, 2007. – С. 247–267.

Жанр биографического описания чрезвычайно популярен. Вместе с тем, удовлетворительная теория биографики пока не разработана. Налицо явный дисбаланс между количеством издаваемых биографий и методологической культурой их авторов. Описание человеческой жизни для многих биографов представляется чем-то не требующим методологической рефлексии. Истоки этой ситуации в сложности коренного для биографики вопроса: возможно ли научно фиксировать индивидуальное, и если возможно, то как именно это делать? Такова вообще судьба вопросов философских (что отмечал ещё Августин, говоря о времени): решение их кажется интуитивно очевидным до тех пор, пока они явно не сформулированы и не поставлены. В последнем же случае обнаруживается вся их неоднозначность.

Так, учёный секретарь научно-биографической серии РАН З.К. Соколовская формулирует следующие критерии научной биографии: «объективность изложения, критический анализ источников, квалифицированное изучение творчества деятелей науки и техники, недопустимость художественного вымысла» [Соколовская 1988: 70]. Но и соблюдение всех этих критериев отнюдь не гарантирует написания именно биографии. В академических биографиях зачастую можно встретить отдельно главы «Личность учёного» и «Вклад учёного в науку». То есть жизнеописание учёного оказывается отделённым от его научного творчества, а обращение к его биографии – лишь поводом к персонифицированному изложению надындивидуальных процессов развития науки. Остаётся нерешённой поэтому, существеннейшая для биографии проблема раскрытия мотивации поступков героя биографии.

С другой стороны, ряд известных биографов, к примеру, Т.А. Павлова полагают, что написать биографию невозможно без «элемента художественности, интимного проникновения личности автора в личность героя», интуитивного его познания [Павлова 1990: 38]. Но «элемент художественности» неизбежно выведет нас за пределы познания самого объекта биографии – конкретно-исторической личности – и превратит биографию в исторический роман.

Мы видим, таким образом, что проблема изучения индивидуального в биографике в силу своей сложности трансформируется у ряда исследователей в псевдопроблемы: безликая научность – художественная портретность, описание деятельности – показ индивидуальности. Очевидно, однако, что это лишь взятые в качестве разорванных противоположностей стороны действующей личности, то есть самого объекта биографики как диалектического целого.

Корректное решение проблемы предполагает обращение к эпистемологическим основаниям биографики как науки. Исходить необходимо, прежде всего, из ясного определения объекта биографики. Специфика объекта науки обусловит критерии выделения методов познания, адекватных тому типу знания, который возможен о данном объекте. Объектом биографии в собственном смысле этого термина является реально существовавшая и развивавшаяся личностная целостность биографируемого персонажа. Соответственно, методы, имеющие общенаучный характер, биографике следует почерпнуть из философского учения о человеческой индивидуальности [Асмолов 1990; Корсаков 1997], из разработанного в современной философии и культурологии диалогического подхода к постижению другого субъекта [Бахтин 1996; Библер 1994], из известной в современной философской литературе методологии комплексного междисциплинарного познания человека [Фролов 1989], из общих принципов познания сложных многоуровневых саморазвивающихся систем [Блауберг 1997]. Биограф должен реконструировать индивидуальность другого человека, показав его как субъекта своего жизненного пути в диалектическом единстве индивидуального саморазвития и целостности многообразных проявлений его личности.

Реконструкцию индивидуальной личностной целостности следует признать в качестве основного метода биографики. Превосходное определение биографической реконструкции

дано Ю.М. Лотманом: «воссоздание того целостного идеала личности, который создавал в своей душе герой биографии, плана, по которому он строил себя. Мы должны раскрыть, обнаружить этот план, угадать его среди других, возможных и невозможных, тех, которые следует отбросить, потому что они не были реализованы, и тех, которые по этой самой причине заслуживают особого внимания» [Лотман 1987: 13]. Одновременно, реконструкция развития «собственного идеального плана личности» биографируемого должна быть взаимообуславливающим образом скоррелирована с совокупностью многообразных взаимоотношений героя биографии с другими людьми, объективно развивающейся от одного этапа его жизни к другому. Таково поле биографической реконструкции в единстве её субъективной и объективной компонент. Осуществляя объёмную реконструкцию личности, биограф должен показать личность как развивающееся органическое целое, выявить пунктир единой линии жизненного пути. В этом случае жизнь личности не будет выглядеть случайным нагромождением отдельных поступков. Добиться успеха биографической реконструкции можно, обращая основное внимание на ценностную сферу личности, в которой и происходит объединение интимных устремлений личности и её субъективной реакции на проблемы и потребности социальной среды. В идеале жизнь личность представляет собой осуществление акта универсального самоопределения – осознания своего призвания в мире. [Жизнь как творчество 1985: 70]. При определении общих пределов биографической реконструкции, можно согласиться поэтому, с мыслью С.И. Гессена, что «в биографии сохраняются только те факты прошлого, которые имеют отношение к сверхличностным заданиям, бывшим предметом творчества данной личности, и которые явились этапами в осуществлении личностью её призвания, служения её сверхличностным ценностям» [Гессен 1995: 74].

Объект биографии – действующая личность – принципиально допускает научный характер познания, свободный от авторского домысла. Биографу следует поэтому, не прибегая к излишним элементам художественности, разрабатывать гносеологический инструментарий, учитывающий все особенности гуманитарного познания. Нельзя признать удачной классификацию биографических жанров по основанию возрастания степени художественности (научные, научно-популярные, научно-художественные, романизированные) и согласиться с мнением, что «для автора научной и научно-популярной биографии историческая личность имеет значение и интерес не сама по себе», а как персонификация тех или иных надличностных процессов [Павлова 1990: 38]. Цель биографии – реконструкция личности – не находится в зависимости от масштабов привлечения средств художественного изображения. Можно привести ряд примеров биографий-реконструкций, успешно решающих проблему воспроизведения смыслового самоосуществления личности в реальных обстоятельствах её жизни (работы Ю.М. Лотмана о Н.М. Карамзине, Н.Я. Эйдельмана о С.И. Муравьёве-Апостоле, А.Н. Сахарова об Александре I, В.А. Томсинова о М.М. Сперанском, В.А. Фролова об И.И. Мечникове).

Вне реконструкции человеческой индивидуальности в реальной драме её развития из биографики исчезает сама её основа. Биографическая целостность распадётся с одной стороны на безликую деятельность, с другой, на индивидуальные особенности персонажа. И вместо биографии мы получим квазибиографии, которые оказываются созданными, в действительности, в иных жанрах. При персонификации в герое биографии надындивидуальных процессов развития той области человеческой деятельности, в которую он внёс значимый вклад, следует вести речь скорее об исследовании науковедческом, при интуитивном же вживании в образ биографического персонажа результатом оказывается исторический роман. Но лишь действующая в истории личность удерживает в единстве дело, которым она занимается, и индивидуальную страстность, с которой она занимается этим делом. Нельзя создать биографию, разделяя личность и её деятельность, или же представляя личность в виде некое-

го набора уникально-неповторимых качеств, на поверку оказывающихся в биографической литературе общими любому выдающемуся человеку.

Человеческая индивидуальность является подлинной точкой воспроизведения и преобразования предметного развития любой отрасли человеческой деятельности. Особенно очевидно это в науке и при изучении биографий учёных. Наука не развивается автоматически. История науки есть именно история действующих учёных, осваивающих имеющееся научное наследие и генерирующих новое знание. Продукт научного творчества общедоступен, но по самой своей природе творчество не может быть коллективным. Вместе с тем, не существует особой творческой способности как свойства прирождённого или приобретённого, которым бы отличались люди науки. «Синтез способностей не вырабатывается одной только искусственной тренировкой их, он предполагает связанную с универсально-жизненным содержанием самореализацию личности» [Жизнь как творчество 1985: 77]. Истоки научной продуктивности заключены, прежде всего, в смысложизненном выборе человека в социокультурной ситуации. И научное открытие является не просто функцией развитого интеллекта, но будет эманацией целостного осуществления личностью себя в смысложизненной для неё деятельности, в частности, в ходе процесса постановки и решения научных проблем. Понимание этого обстоятельства становится весьма важным в современной науке, в которой оказывается необходимым организовывать творческую деятельность человеческих коллективов. Как справедливо отмечает М.Г. Ярошевский, в науке «объектом воздействия может быть только деятельность конкретных индивидов и их групп. И здесь биографическое исследование вступает в свои права» [Ярошевский 1974: 29]. Знание основных закономерностей биографики необходимо для эффективной организации управления наукой, содействия становлению учёных как творческих личностей.

Биографическое исследование призвано предложить методологические ориентиры в поиске ответа на вопрос: почему творческое достижение осуществлено именно этим человеком. Для науковедческой биографики это вопрос о том, почему открытие совершено именно данным учёным, пусть даже оно и назрело во внутренней логике развития научной дисциплины. Шаг вперёд в науке, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, делает тот, в ком в этот момент, образно говоря, находит своё воплощение соответствующий вид деятельности. Если радикально продолжить ту мысль, что наука не существует вне и помимо учёных, можно высказать предположение, что передовой рубеж развития науки всегда существует в сплаве с системой ценностей и жизненных интенций конкретных личностей – лидеров данной науки. А они своей деятельностью задают модели и способы воспроизведения и развития научного знания другим участникам той сферы научной (как и, вообще, всякой другой) деятельности, в которой они работают. Потому в истории науки и можно выделять типические стили решения научных проблем, радирующие от гениального учёного, в личность которого прорастает его научная дисциплина, к его ученикам и последователям, и становящиеся общими целому поколению учёных. Личность лидера науки в данный период развития науки воплощает в своей системе ценностей реальную драму возможностей и проблем науки, и потому может содержать момент индивидуальной креативности, порождающий общеобязательное знание. М.Г. Ярошевский называет этот аспект индивидуальности учёного, в котором научная идея становится структурообразующей для системы ценностей учёного надсознательной активностью [Там же: 35]. Можно, вообще, провести аналогию между филогенезом и онтогенезом развития науки. Учёный – лидер, пока он находится на переднем крае развития своей науки, выступает в той же роли, какую играет по отношению к другим наукам наука, лидирующая в научной картине мира. И структурообразующая данную научную картину мира наука, и гениальный учёный предлагают другим наукам и учёным, во-первых, основные модели понимания исследуемой реальности и, во-вторых, становящиеся типич-

ческими благодаря их творческой деятельности приёмы и методы научного познания, откорректированные с соответствующим пониманием познаваемых объектов. (Примером этого могут служить для науки XVII – XVIII веков механика и Ньютон). Наука-лидер и учёный-лидер становятся на определённый период времени образцом, моделью и миропонимания, и организации научной деятельности, то есть выполняют мировоззренческую и социокультурную функцию.

Для эпистемологии биографики существенным является вопрос о границах биографии. При его решении следует исходить из удовлетворительного определения статуса биографики. Биографика есть вид наук о человеке, не вспомогательная научная дисциплина, а самостоятельная наука, предмет которой – адекватная реконструкция человеческой личности. Идеалы научной рациональности биографики допускают возможность достоверной реконструкции индивидуальности через раскрытие собственной закономерной логики её становления, без её механического подведения под какие-либо общие закономерности. Подобная индивидуальная закономерность не имманентна и лишь развёртывается в ходе жизненного пути, но, напротив, объективно и субъективно обусловлена и складывается в ходе самого процесса развития индивидуальности. Метод биографики как науки о человеке должен быть комплексным, междисциплинарным, реконструирующим средствами различных наук многосторонность реальной биографической целостности. Соответственно, посвящённые персоналиям исследования литературоведов, историков или психологов не всегда могут быть признаны биографиями. Необходимо чётко разграничить также биографию и исторический роман. Арсенал методов биографической науки не должен включать в себя никакого художественного вымысла. Биографика сталкивается и с общей для современной науки проблемой: засильем псевдонаучных сочинений, опровергающих обоснованные истины и воздвигающих новые сногсшибательные концепции. В биографике это происходит в форме развенчаний и разоблачений великих личностей, либо сообщения о них вновь открытой «компрометирующей информации». Жизнь гениев обрастает домыслами, искусственно приносится до уровня обывательского понимания, а авторы подобных сочинений обеспечивают себе безбедную жизнь и дешёвую популярность. Между тем, как даже если что-либо из разоблачающих откровений и соответствует действительности, то всё же не характеризует гения как гения, то есть не существенно для его биографии [Harnack 1955]. Автору биографии следует, во-первых, последовательно проводить подчас тонкое различие между собственно биографией и иными жанрами, касающимися персоналий, и, во-вторых, ощущать ответственность за своего героя, придерживаясь при его жизнеописании известных нравственных ограничений.

В качестве источников биографии следует принимать все те источники, которые относятся к историческим источникам в целом: письма, дневники, воспоминания, хроники и т. д. При изучении деятельности учёных, работающих в рамках институционализированных научных сообществ, большое значение имеет как хорошее ведение и сохранность архивной документации, так и обращение к личным свидетельствам коллег и близких. К произведениям «предбиографической категории» [Muller 1933: 100] следует относить литературные портреты, а также всякого рода собрания анекдотов и эссе, посвящённые отдельным знаменательным событиям в жизни биографируемого. Вместе с тем, в качестве биографии следует рассматривать лишь целостное жизнеописание, и неправомерно говорить о биографии в тех случаях, когда сюжетом работы является какой-либо период или аспект в жизни героя, пусть и игравший роль решающего жизненного выбора – как это часто происходит, к примеру, в мемуарной литературе или же в произведениях, написанных из религиозных побуждений. Необходимо привлекать источники, на которые не всегда обращается должное внимание,

например, некрологи [Корсаков 1998: 139–140]². Важной задачей является как привлечение новых видов источников, так и совершенствование вопросника исследователя, включающего вопросы «сколько раз человек выбирал для себя основной жизненный смысл, насколько следовал своему выбору, как, в итоге, он решал проблему адаптации к собственному бессмертию и решил ли» [Володихин 1999: 5].

При возникновении довольно частой ситуации взаимной противоречивости документальных свидетельств биографу следует стремиться раскрыть объективные основания подобной противоречивости. Противоречивость оценок и свидетельств, сохранённых источниками, является отражением реальной структуры многообразных взаимоотношений биографируемого с другими людьми, неоднозначных обстоятельств его жизни. Не игнорирование источниковых парадоксов реконструируемой биографии, но пристальное всматривание в них может зачастую привести биографа к биографическому открытию, и, в целом, к объёмности биографической реконструкции.

Определение границ биографии предполагает и постановку вопроса о том, чья биография заслуживает того чтобы быть написанной. Если в эпоху романтизма теоретики биографии склонялись к тому, что достойна биографического описания прежде всего гениальная героическая личность [Карлейль 1994], то сегодня в рамках исторической антропологии и истории повседневности признаётся ценным жизнеописание любого человека в контексте современной ему социокультурной ситуации [Гуревич 1993]. Проблема эта не может решаться механически – разделением исторических персонажей на великих и обычных. Жизнеописание великой исторической личности, по сути, выходит за рамки биографии, так как требует обращения к исследованию фундаментальных процессов соответствующей исторической эпохи, а жизнь «обычного» человека во многом обусловлена социальными обстоятельствами его времени. Существенным для биографа является не степень известности персонажа биографии или его участия в крупных исторических событиях. Ракурс рассмотрения биографом любой исторической личности должен раскрывать героя биографии в следовании принятым им социальным и нравственным ценностям, демонстрируя его личностный вклад в их утверждение. Именно это делает личность незаместимой в бытии, вследствие чего она становится фактом истории культуры и, тем самым – предметом биографии. Дело не в том, о ком писать биографию, но в том, какую задачу ставить при этом. Личность, деятельность которой стала фактом культуры, как бы впечаталась в культуру соответствующей исторической эпохи – вот предмет и критерий собственно биографии, который может быть отнесён к жизнеописаниям как выдающихся, так и «обычных» исторических персонажей. Для тех, «чей гений с самого начала определил их деяния и страсти, нашёл в них своё выражение и проявил себя» биография становится «единственным ключом к пониманию того, какое значение они имели для своего времени» [Droysen 1943: 362]. Так, вне рассмотрения деятельности Александра Македонского невозможно осмыслить феномен эллинизма. А для «обычного» человека глобальные социально-исторические преобразования, изменения жизненных обстоятельств, которые непосредственно не являются частью структуры его личности, могут становиться событиями его жизненного пути постольку, поскольку они создают новые ситуации личностного развития, ставят личность перед неизбежностью ценностного выбора, осуществляя который, она фактически принимает на себя ответственность за перспективу развития социума, в котором она живёт, и человечества в целом.

Поскольку предмет биографии как знания гуманитарного это субъект, предстающий нам внешне, объектно, то и определять её методологические границы сложнее, чем в науках, познающих лишь объекты в собственном смысле слова. Биографу следует адекватно выра-

² Представляют интерес погодные сборники некрологов, составившиеся во второй половине XIX века Д. Языковым.

зять грань объективного и субъективного в человеческой жизни. Человеческую субъективность не следует понимать как нечто иррациональное, доступное лишь мистическому вживанию. Более того, человеческая субъективность столь же реальна, как всякий объект, человеком не являющийся, а отличается от него лишь способом существования. Человеческий субъект обусловлен, но не предопределён, открыт миру, сам должен ежемгновенно задавать себе меру развития и осуществлять себя, выходя за пределы своего наличного бытия. Кроме того, биографируемый не мог бы иметь перед биографом радикального преимущества, так как его собственные мотивации зачастую неявны для него самого, и реальность своего Я он видит лишь из одного из возможных измерений; герой биографии содержательнее, чем его собственный взгляд на себя.

Не будет удовлетворительным и противоположный – чисто объектный – подход к постигаемому в биографии субъекту: через попытку выявить набор характерных для него личностных качеств, и проявлениями этих качеств объяснять его поступки. Если представить личность агрегатом качеств, она не может быть целостной и самостоятельной, свободно проявляющей свою волю. А те же самые «уникальные» качества личности другой биограф может обнаружить уже у своего персонажа. Подобный подход является следствием аберрации восприятия нами другого человека, когда к нему мы пытаемся применять некие уравнивающие мерки, а себя же, напротив, видим «изнутри», понимаем, что осуществляемся в поступке как личностная целостность, а не каким-то «изначально присущим» нам качеством. Поэтому биограф, восстанавливающий внешние события жизни персонажа и приправляющий их перечень набором предполагаемых в биографируемом личностных качеств, так и остаётся у порога биографии.

В познании объективной и субъективной составляющих чужой жизни всё сложнее, чем просто приписать позиции персонажа субъективность, а биографа – объективность. Человеческое Я возможно лишь как самоосуществление, реальное преодоление противоречия внешнего и внутреннего, материального и духовного, объективного и субъективного и воспроизведение его на новой основе, точно также как, например, и свет существует не как данность, но как преодоление противоречия непрерывности и дискретности. Человеческая индивидуальность существует лишь в саморазвитии, постоянно переставая быть тем, что она есть, вновь и вновь стыкая ценности и обстоятельства жизни. Наивными поэтому являются крайние точки зрения на субъективность биографируемого, как те, что считают невозможным научное познание собственной личности и значения собственной жизни [Muir 1954], так и те, которые требуют объективной, деперсонифицированной автобиографии [Spender 1955]. Уникальным является не то, как человек ходил, курил или открывал периодический закон химических элементов; уникальным, незаместимым становится его место в бытии, причём уникальным не изначально – то была бы лишь простая случайность, подобная уникальности песчинки – но в меру обретения человеком непреходящего жизненного смысла и индивидуального самоосуществления в конкретных обстоятельствах.

Другой субъект может постигаться лишь диалогически. Условием возможности такого диалога являются общечеловеческие ценности, мировоззренческие проблемы, на которые не может не искать ответ всякий человек постольку, поскольку он есть человек в мире. Каждая эпоха и каждый человек своей жизнью дают ответ на вечные мировоззренческие вопросы. Биограф при постижении своего героя должен осуществлять многозеркальную рефлексию. Необходимо реконструировать персонаж на стыке двух планов: его самооценки и его места в социокультурной ситуации времени, и при этом делать поправку на собственную субъективность биографа и критически относиться к социокультурным основаниям своей точки зрения, рассматривать мировоззренческие смыслы культурных универсалий своей эпохи не как самоочевидные, а как одни из возможных. Игнорирование автором биографии собственной

позиции не приведёт к непредвзятой реконструкции жизни героя. Напротив авторская точка зрения, обусловленная ментальностью эпохи, в которую творит биограф, будучи неотрефлексированной, пронизывает собой всю биографию, и биография устареет сразу же после её написания, сохранит своё значение скорее как источник по изучению ментальности эпохи, в которую она создана. Если биография будет диалогом эпох и обусловленных эпохами личностей, она соединит дистантность восприятия другой личности с отношением к ней как к самоценности и сможет выполнить и воспитательную задачу освоения опыта чужой прожитой жизни.

Человеческая личность есть наиболее подлинная реальность, точка постоянного, непредзаданного заранее и, одновременно, неизбежного осуществления всего, что только возможно в человеческом мире, через её индивидуальное самоосуществление. Ортега-и-Гассет справедливо определял предмет биографики как «единство драматического динамизма между Я и миром» [Ортега-Гассет 1991: 439–440; Ортега-и-Гассет 1991], когда Я человека постоянно превосходит себя, погружаясь в обстоятельства своей жизни, воздействуя на них и согласовывая их с собой. Именно в этом, а не в тех или иных природных особенностях, находится источник творческого саморазвития человеческой индивидуальности. Человек, личность тогда сможет быть предметом биографики, а не только психологии (или же, тем более, физиологии), когда действует, беря на себя ответственность за человечество в целом, приняв решение о том, что есть должное, и это должное осуществляя. Жизнь личности в этом случае продолжает своим определённым образом развитие культуры в данный момент времени, и представляет в себе, тем самым, также и весь предшествующий путь развития культуры. Постигание биографии поэтому, равнозначно постижению человеческой культуры в целом. Тема биографа – это не случайность личности в бытии. Что может быть объективнее этой субъективности! В «элементах художественности» ли, или «интуитивном вживании в чужую личность» здесь дело! Мастерство биографа не в том, чтобы показать субъективные мнения героя, а в том, чтобы реконструировать ту реальность его жизни, реакцией на которую и были эти мнения, и – главное – поступки личности. Даже биограф, делающий поправку на собственную субъективность и обусловленность своей жизненной позиции ментальностью своей эпохи, высечет искру истины из диалога с героем биографии сможет, лишь если будет понимать, что герой сам находится в диалоге с самим собой, неравен самому себе, осуществляет себя, посредством своих души и тела преобразовывая обстоятельства своей жизненной ситуации.

Мерцающая грань субъективного-объективного в биографии наиболее отчётливо проступает в таком биографическом жанре как автобиография. Термин «автобиография» впервые ввёл Гердер, по инициативе которого в 1796 и 1799 гг. в Тюбингене вышел составленный Зэйбольдом сборник «Автобиографии знаменитых мужей». Через тридцать лет в Англии стало выходить собрание автобиографий, составившее 34 тома [Autobiography 1826–1833]. В СССР интересным опытом издания автобиографий, охватившего целый срез профессиональной деятельности, могут быть названы 40-й и 41-й тома Энциклопедического словаря Гранат «Деятели СССР и революционного движения в России» [1926-1929; репринт 1989]. Критерии автобиографии как биографического жанра были предложены в конце XIX века Ф. фон Бецольдом: »Автобиография в узком смысле слова имеет дело, прежде всего, с внутренним развитием личности... Она не только обращена назад к прожитой жизни, но одновременно и по преимуществу освещает историю внутренней жизни... К ней нельзя отнести огромную массу мемуарной литературы или описаний памятных фактов..., которые содержат сведения о внешней стороне деятельности авторов, их участии в общественной жизни, об их знаменитых современниках» [Biographischen Blatter 1895]. В 1960 вышла первая теоретическая монография, посвящённая проблеме автобиографии [Изображение и истина

автобиографии)], автором которой был историк литературы Р. Пэскаль [Paskal 1960]. В ней предложена оригинальная типология автобиографий, согласно которой их авторы группируются по задачам, которые ими ставились при написании автобиографии, и по роду их профессиональной деятельности.

Автобиография как биографический источник закономерно порождает противоположные оценки. С одной стороны, она вызывает недоверие вольной или невольной, но неизбежной попыткой её автора оправдать свои действия, либо представить их следствием благородных мотивов. Так Я. Ромейн предостерегал: «Автобиография – самый опасный вид источника. Она либо представляет собой самозащиту, либо незначительна по существу» [Romein 1948]. Особенно критически принято относиться к автобиографиям политических деятелей [Paskal Op.cit.]. С другой стороны, ряд мыслителей видят в автобиографии более глубокий уровень достоверности, чем может дать простое изложение фактов. Дильтей утверждал: «Автобиография – высшая и наиболее поучительная форма, в которой находит выражение понимание жизни... и тот, кто понимает жизнеописание, становится идентичен тому, кто его написал. Таким образом достигается особая интимность понимания» [1927: 199].

Безусловно, субъективность автобиографии – это её достоинство, которое обращается в недостаток лишь при плоском позитивистском подходе к ней. Автобиография открывает нам тот уровень реального Я, который не может быть реконструирован никакими другими средствами; это взгляд личности на себя изнутри себя же самой. Важно придавать этому аспекту реконструируемой личностной целостности адекватное значение. Он позволяет определить моменты осуществления личностью ценностных выборов, что может послужить основой выделения основных этапов её жизненного пути. Следующий шаг биографа должен заключаться в совмещении взглядов изнутри и извне личности, её субъективного мира и мира обстоятельств её жизни. А условием гносеологической корректности такого совмещения является учёт соотношения ментальностей эпох, к которым принадлежат биографируемый и биограф. Оценка автобиографии в качестве одной из составляющих многозеркальной гносеологической рефлексии обеспечивает биографической реконструкции объёмность изображения человеческой личности.

Для биографа-профессионала автобиографический материал представляет собой ничем не заменимую ценность; и даже искажения истинного положения дел, допускаемые автором автобиографии, биограф сможет понять как не случайные, выводя их из целостной реальности его жизни, а подчас и более глубоко реконструируя с их помощью противоречивую структуру последней. Глубоко прав Шопенгауэр, утверждавший, что «притворяться в автобиографическом сочинении так трудно, что, вероятно, нет ни одной автобиографии, которая в целом не была бы правдивее, чем любое другое историческое произведение» [Цит. по: Klaiber 1921: 349]. Конечно, автор автобиографии, может оценивать прошлое с позиций настоящего, задним числом вскрывать взаимосвязи, которые раньше не могли быть ему известны, либо ускользали от его понимания. Но такая же опасность грозит и автору биографии, взгляд которого зависит от собственной субъективности и от ментальности его эпохи. Степень же достоверности автобиографических описаний может повышаться при наличии нескольких автобиографий, созданных в разных редакциях в разном возрасте. Важно, чтобы реконструктор жизненного пути человеческой личности стремился восстановить все стадии её развития в их последовательности, и, показывая минувшие ситуации, давал то мнение личности о них (своё собственное в автобиографии, своего героя в биографии), которое было современным самим этим ситуациям. В автобиографии уже содержится то, что автору биографии приходится воссоздавать путём предпринимаемых вновь и вновь длительных разысканий: динамическая правда жизни личности, история личностного развития в его внутренней связи и последовательности. «Пусть человек думает, что именно в его поле зрения

оказались наиболее интересные явления, что именно его личность заслуживает особого внимания... Пусть он пытается как-то оправдывать и объяснять свои намерения или, передавая факты, определённым образом их истолковывать... Для нас важен не хороший стиль автора, не сомнительная его слава как умелого рассказчика, а целесообразность повествования» [Droysen Ibid.: 80].

Автобиография имеет и абсолютную экзистенциальную ценность и значима как источник для реконструкции атмосферы эпохи в которую жил автор, состояния её науки и образования, искусства и религии, восполняет отсутствующие сведения об образе жизни того социально-культурного слоя общества, к которому он принадлежал. Биограф Наполеона О. Фурнье радикально выразил эту мысль, подчеркнув, что «о человеческом в жизни ушедших поколений мы узнаём только от людей, а не от ведомств» [Цит. по: Klaiber 1921: 342]. Живые голоса людей прошлых эпох доносятся до нас автобиографиями через толщу времени, показывая отдельные проявления нравов эпохи, описывая исчезнувшие ландшафты и канувшие в лету приметы обихода. Однако автобиография не должна перерастать в историю своего времени, тем более в философию истории, тогда она утратит то непреходяще индивидуальное, что и делает её автобиографией.

Автобиография, выражая внутренний мир человека, его собственную точку зрения, становится ничем не заменимым субъективным измерением развития человеческой культуры. И «история автобиографии является в известном смысле историей человеческого самосознания» [Misch 1907: 11]. Соединение субъективного и объективного измерений жизни личности остаётся идеальным ориентиром биографического познания. Реконструкция личности, обеспечивающая подобный объёмный синтез, всё в большей степени будет использовать стыковые, междисциплинарные методы познания. Не случайно поэтому, например, что стиль *life-and-letters*, в котором практикуется широкое использование в тексте биографии подлинных и, прежде всего, автобиографических документов стал во второй половине XX века столь распространённым в биографике. Биография и автобиография фактически идут на встречу друг другу, осуществляя объёмный синтез биографического описания человеческой личности.

Становление биографики как самостоятельной научной дисциплины предполагает разработку методологии научного познания индивидуального. Наиболее известной попыткой решения этой проблемы является индивидуализирующий метод Риккерта, требующий «образовать понятие с индивидуальным содержанием», в котором индивидуальность не превращалась бы в экземпляр [Риккерт 1998: 76]. Научное познание индивидуального, мы полагаем, заключается в моделировании, в реконструкции логики её развёртывания. Нужно выявить самостановление индивидуальности в общественных отношениях, складывающуюся в ходе этого индивидуальную закономерность, внутреннюю логику саморазвития от одного этапа к другому. Ещё в 1927 Г.О. Винокур высказал мысль, что биограф изучает личность, не накладывая на неё трафарет идеала, но отыскивая в ней самой присущую ей закономерность развития [Винокур 1927: 58]. Кроме того, биографика должна не предписывать биографам общих алгоритмов познания своих героев, но предлагать им ориентиры того, как следует приниматься за дело жизнеописания. Продуктивной здесь представляется идея А.Л. Валевского, что биографика представляет собой комплекс процедур, позволяющих воссоздать сущность индивидуального, в частности ряда презумпций биографического объяснения (комплексный подход к причинам поступков, несовпадение актуальной и ретроспективной позиций героя биографии и др.) [Валевский 1993: 89].

Личность в качестве предмета биографической реконструкции понимается нами как саморазвивающееся системное единство, самоуправляющееся посредством взаимокоординированных ценностей и мотивов и преобразовывающее структуру обстоятельств в ходе жиз-

ненного пути. Оптимальным нам представляется структурно-динамический подход к биографической реконструкции. Модель реальной биографической целостности личности может быть реконструирована в трёх измерениях: ситуационном, предметном и ценностно-смысловом, которые предстанут как уровни, системно надстраивающиеся друг на друга. Такой структурный анализ следует сочетать с динамическим, в котором выявляется необходимость последовательной смены этапов жизненного пути личности.

Ситуационный аспект реконструкции жизненного пути личности является наиболее фундаментальным. Это пространственно-временные координаты личности, её бытие в конкретной точке истории общества. Личность исходно целостна как включённое в мир и противостоящее ему начало реальности. Личность не может не самоопределяться постоянно по отношению к самим основаниям культуры, в которой живёт, и тем самым одновременно и обусловлена ситуацией и представляет собой самостоятельную целостность. Всякий поступок человека есть ответ на конкретную ситуацию жизни. «Реконструировать вопрос, ответом на который явилось поведение персонажа» и является задачей биографа [Там же: 88]. Не только те или иные конкретные жизненные обстоятельства, но сама ситуация жизни представляет собой вопрос, обращённый к человеку, и его ответ своей жизнью на ситуацию времени формирует его как уникальную индивидуальность. Бытие личности в ситуации реконструировать сложнее всего: нам доступна лишь внешняя сторона поведения человека, а сами мы находимся в иной культуре, в иной ситуации жизни. Решающим для успешной биографической реконструкции этого уровня личностной целостности является обращение к ментальности современной биографируемому эпохи, осуществляемое методами исторической антропологии. В целом, биограф идёт от поступка персонажа к его мотивации, а мотивацию восстанавливает через понимание её обусловленности духовной атмосферой исторической эпохи. Биографу необходима «всеохватывающая интерпретация» [Maugois 1928], реконструирование индивидуальности с помещением её в контекст общих взаимосвязей исторической эпохи. Ситуационное измерение представляет собой предел полноты биографической реконструкции, который является окончательно не достижимым, поскольку бытийная ситуация биографируемого никогда не сможет стать бытийной ситуацией биографа.

Содержательная структура личности образуется отношениями разной степени и разного качества значимости с другими людьми по поводу предметов их совместной деятельности. Предметные отношения мы понимаем в качестве обстоятельств жизненного пути личности. Структура обстоятельств (предметных отношений) жизни личности объективна, всегда богаче по содержанию самоосознания личности, выводит на общую социокультурную определённость её бытия. В предметных отношениях личности складываются противоречия, являющиеся основным источником развития и имеющие объективные последствия в жизненном пути личности.

Личностная целостность оформляется на ценностно-смысловом уровне. Совпадение направленности ценностно-смыслового и предметного измерений личностной целостности в предметных убеждениях (М.Г. Ярошевский) является свидетельством зрелости личности, её способности определять своей деятельностью развитие той сферы культуры, в которой она работает. Э.Ю. Соловьёв в статье о биографиях мыслителей в серии ЖЗЛ справедливо отмечал, что уяснение биографируемым себе своей собственной проблемы – ключевой момент для биографической реконструкции [Соловьёв 1981]. Единство жизненного пути личности биограф может раскрыть, показав, как та или иная профессиональная проблема становится личностным смыслом деятельности биографируемого и конкретизируется в иерархической серии жизненных целей, служащих сквозными мировоззренческими ориентирами в выборе личностью стратегий поведения. В этом случае биограф сможет показать жизненное призвание своего героя. Принятые личностью ценности биографу следует анализировать в сочета-

нии с особенностями индивидуальной мотивации, раскрывая полноту ценностно-мотивационной системы (ЦМС) личности. К примеру, реконструкция становления предметных убеждений учёного должна дополняться побочными основной его профессиональной деятельности жизненными и научными интересами. Через систему ценностей, ставшую жизненным ориентиром, личность может осуществлять обратное воздействие на структуру обстоятельств своей жизни. Как единице биографического измерения жизненного пути личности обстоятельству в ценностно-смысловой сфере соответствует событие. В качестве события можно рассматривать те из обстоятельств, которые ставят под вопрос идентичность системы ценностей личности. События – узловые моменты жизненного пути личности, внутренняя жизнь которой, как отмечает Г.Ю. Мошкова [Мошкова 1994: 137], состоит в поиске, открытии, утверждении или отвержении ценностей.

Структурный анализ биографической целостности необходимо дополнять динамическим. Пропорционально уровню развития личности возрастает иерархическая организованность её ЦМС. Идентичность личности обеспечивается преобладанием в данный момент жизненного пути какой-либо ценности в ЦМС в качестве доминанты. В ходе жизненного пути личности биограф может выделить этапы, характеризовавшиеся подчинённостью какой-либо ценностной доминанте и переживавшиеся личностью как определённая целостность, и моменты жизненного выбора, в которых личность оказывается перед необходимостью переосмыслить своё решение о значимости доминантной ценности. Соотнесение личностью жизненных обстоятельств с ценностями всегда динамично, осуществляется в диалектическом единстве, одной стороной которого является выполнение ценностью роли поведенческого регулятива, другой – изменение статуса ценности в иерархии ЦМС, которая переформируется с учётом изменения жизненных обстоятельств. В кризисных ситуациях жизненного пути личность оказывается один на один с бытием и становится как индивидуальность. Можно выделить два типа жизненных кризисов по способу их разрешения. В первом личность изменяет доминанту ЦМС, во втором личность утверждает ценность собою, противостоя давлению отвергающих ценность жизненных обстоятельств, вплоть до самопожертвования. Последний вид жизненного выбора предполагает нравственную смелость, способность взять на себя ответственность за человечество, и первому сделать новый шаг в будущее. Решающее значение это приобретает в жизнеописании великой личности, деятельность которой можно рассматривать как выполнение принятого на себя долга перед человечеством. Ситуация необходимости совершить жизненный выбор, самоопределившись, может быть и проигнорирована личностью, не стать событием жизненного пути, но тем не менее останется в структуре обстоятельств её жизни и обусловит в дальнейшем степень осуществления личностью своего призвания. Все кризисные точки жизненного пути личности и переход от одного жизненного этапа к другому должны выявляться биографом. Задачей биографа при анализе динамического аспекта личностной целостности, будет: «определить, какие именно принципиальные выборы были сделаны человеком и ради чего, в какую сторону они повели его личностное развитие» [Там же: 139]. Поскольку жизненный путь личности не развёртка имманентно предзаданной программы, каждый жизненный выбор обусловлен последовательностью предшествовавших жизненных выборов и, одновременно, открыт для любого возможного ценностного решения. Биограф должен показать личностную целостность как самостановление через точки выбора на жизненном пути. Эту мысль удачно формулирует Т.Б. Карцева: реконструируя последовательность событий-выборов жизненного пути человека, биограф показывает, что человек должен изменять самого себя, чтобы продолжать оставаться собой [Карцева 1989: 90]. Экзистенциальное единство направленности развития личности в течение всей её жизни будет в этом случае убедительно высвечиваться

через смену ею тех или иных конкретных жизненных задач и форм самоосуществления, а также коррелироваться с изменениями в социокультурном контексте бытия личности.

Синтез, как всех структурных измерений личности, так и структурного и динамического аспектов развития личностной целостности осуществляется в поступке, закрепляющем жизненный выбор личности. Поступок в качестве способа саморазвития личности, является для биографа ключом к раскрытию жизненной логики биографии. Поступок фиксирует диалектику «процессуального характера идентичности» [Валевский 1993: 20] человеческой индивидуальности, которая остаётся собой лишь постоянно самоопределяясь в бытии, воспроизводя мировоззренческую позицию своей эпохи и одновременно ставя вопрос о правомерности самих оснований этой позиции. В каждом поступке личность делает новый шаг саморазвития, замыкаясь в качественно более высокую целостность при овладении новым пластом предметного содержания реальности (обстоятельствами) и вновь осуществляет выход за свои пределы, субъектное самовозобновление, на основе ценностного выбора (события). Это и есть сердцевина индивидуальности человека, прежде всего интересующая биографа.

Как структурно-динамическая модель биографической реконструкции в целом, так и её отдельные элементы могут стать весьма полезными при изучении творчества учёных. Творческая деятельность учёного, будучи напряжённой интеллектуальной работой, совершаемой повседневно на протяжении длительных отрезков жизненного пути, не может быть доступна чисто психологическому анализу. Лишь биографика реконструирует личность учёного в единстве деятельности и мотиваций, создавая «модель взаимодействия сложной системы факторов» [Gruber 1981: 299–300; Цит. по: Виноградова 1988]. Особую сложность при биографической реконструкции личности учёного представляет превращение индивидуального озарения в общеобязательное безличное знание. Можно предположить, что индивидуальная мотивация удерживается в превращённой форме в момент совершения открытия. Обнаружение нового вряд ли возможно через прямую мотивированность имеющимся в наличии безличным знанием. Ключевая роль здесь принадлежит скорее индивидуальности учёного в реальной целостности его жизнеотношений. Открытие зачастую осуществляется при непрямой мотивации, когда стремление решить научную проблему подкрепляется какими-либо побочными мотивами. И только реконструкция целостности жизненного пути личности может раскрыть эти причины.

Обратим внимание на несколько типов непрямой мотивации. Так, в случае несогласия учёного со сменой общепринятой парадигмы в данном профессиональном научном сообществе, он может реализовывать научные убеждения, которым остался верен, в смежной области научной деятельности. Возрождение старой парадигмы через проекцию на новую проблематику способно обеспечить нетрадиционный подход в этой сфере деятельности и благодаря стыковому междисциплинарному эффекту вернуть отвергнутой парадигме привёдёт к открытию. К примеру, известный физик Дж.Х. Джинс в начале 1910-х гг. в ситуации кризиса в физике, отказа от классической парадигмы и становления квантовой теории, не смог внутренне принять эти изменения и продолжать на их основе успешное научное творчество в физике. И он переключился на исследования в области звёздной динамики, где рассматривал движение звёзд с позиций классической статистической физики, что привело его к научному открытию. Джинс применил к звёздным системам закон постоянства фазовой плотности, который в дальнейшем стал называться в звёздной динамике теоремой Джинса [Козенко 1985: 76]. До момента совершения открытия биографу важна реконструкция мотивированной акцентировки учёного именно на значимость своего парадигмального подхода, а не на ещё не совершённое открытие.

Ещё одним вариантом непрямотой мотивации, приводящей к открытию, является эвристический эффект «неверного» предположения, позволяющего получить новое знание. Речь не идёт о случайном успехе дилетанта, но о смелости, необходимой учёному, когда он выдвигает гипотезу, заведомо расходящуюся с разделяемым им самим научным знанием об объекте. Так, в начале 1920-х гг. физики считали, что возможен только один тип субатомных источников энергии подобный радиоактивности, то есть являющийся самопроизвольным квантовым эффектом, не зависящим от внешних физических условий. А.С. Эддингтон же, поняв, что энергия в звезде генерируется со скоростью, зависящей от температуры и плотности, установил, что процесс этот должен так саморегулироваться, чтобы выход энергии соответствовал наблюдательному закону «масса – светимость», иначе невозможно устойчивое состояние звезды. А возможно устойчивое состояние лишь в случае реакций термоядерного синтеза (так называться они, конечно, стали позднее), которые определяются внешними условиями. Предположение о возможности таких реакций Эддингтон и выдвинул ещё в начале 1920-х годов [Эддингтон 1997: 69].

И наиболее благодатной для биографического изучения является ситуация, при которой учёный мотивирован околонучными или мистическими представлениями, не подтверждаемыми наукой, и, ориентируясь на них, совершает научное открытие. Для автора научной биографии столь важно поэтому, изучение философских взглядов учёных. Общемировоззренческие установки способны стать стартовой дорожкой к открытию, так как напрямую не связаны с профессиональной деятельностью учёного и являются взятыми из других сфер культуры общими моделями объяснения и понимания, дают возможность выдвинуть предположения об объективных связях, не очевидных для узкопрофессионального взгляда. При объяснении самого момента креативности биографу следует показать роль в мышлении аналогий, ассоциаций, мировоззренчески мотивированных нестандартных предположений, выдвигаемых в качестве возможных, не противоречащих в принципе законам природы. Примером сказанному могут служить ситуации, когда из неверных, но философски и эстетически мотивированных космогонических построений получали истинные научные результаты. Так, Кеплер открыл свои законы движения планет, вошедшие в арсенал современной науки, как бы попутно поиску величественной небесной гармонии, порождаемой пропорциональными отношениями правильных многогранников, что было в дальнейшем развитии науки отвергнуто как идея фантастическая. «Из всей «Гармонии мира» Кеплера своё значение для науки сохранила лишь одна единственная страничка – та, где изложен третий закон движения планет... Но разубеди кто-нибудь Кеплера в существовании небесной гармонии, он, возможно, вовсе не стал бы астрономом. И тогда бы не было, может быть, ещё столетия ни трёх знаменитых его законов, ни прозорливых идей о динамических причинах движения планет, предвосхитивших открытия Ньютона». [Мороз 1989: 68–69]. И не искал бы он с такой страстностью истину, проводя многолетние бесчисленные сложнейшие вычисления. Ценно даже наследие учёного, только лишь ставившего проблемы, получить удовлетворительное решение которых ему не удавалось. Вообще, любая не получившая подтверждения научная теория, вырастая на древе познания, обязательно питается какими либо нерешёнными в рамках существующих теорий проблемами и стимулирует дальнейший удачный поиск в этом направлении, может содержать востребуемые впоследствии мировоззренческие подходы. Процесс открытия истины, как правило, столь же парадоксален, как и сама истина, и раскрыть его будет не под силу чистому психологу, не применяющему метод целостной биографической реконструкции жизненного пути учёного.

Значение биографики для научного познания пока ещё не осознанно в полной мере. Биографическое описание зачастую воспринимается как иллюстративное приложение к другим наукам. Но любая область человеческой деятельности воспроизводится лишь творчеством конкрет-

ных индивидуальностей, и только через раскрытие их жизненных устремлений может быть понята в логике своего развития. Биографов потому и интересуют, прежде всего, личности, ставшие субъектами приращения культуры, способные «самостоятельно организовывать и направлять события жизненного пути, избирательно к ним относиться, строить собственную среду развития» [Логинова 1985: 104], то есть, по сути, в себе и собой осуществлять преобразование человеческих отношений и продуктов культуры. Личность как объект биографической реконструкции предстаёт, таким образом, в единстве репродуктивной и генеративной сторон её деятельности, а деятельность – воспроизводящей содержание культуры в ходе творческого её освоения. Личность постоянно содержательно саморасширяется, выходя за свои пределы и раскрывая тем самым горизонты возможностей человечества в целом. Идеалом для биографа будет раскрытие личности как предельной формы, сплавляющей предметность и жизненный смысл и дающей индивидуальные ответы на вечные вопросы человеческого бытия.

-
- Асмолов А.Г. 1990. *Психология личности*. – М.
- Бахтин М.М. 1996. *К философии поступка*. – М.
- Библер В.С. 1994. *Самостоянье человека*. – Кемерово.
- Блауберг И.В. 1997. *Проблема целостности и системный подход*. – М.
- Валевский А.Л. 1993. *Основания биографики*. – Киев.
- Виноградова Т.В. 1988. Творческая личность в науке (психологические исследования). – *Творчество и жизненный путь учёного*. – М.
- Винокур Г.О. 1927. *Биография и культура*. М.
- Володихин Д.М. 1999. Экзистенциальный биографизм в истории. – *Персональная история*. – М.
- Гессен С.И. 1995. *Основы педагогики. Введение в прикладную философию*. – М.
- Гуревич А.Я. 1993. *Исторический синтез и школа «Анналов»*. – М.
- Жизнь как творчество... 1985. *Жизнь как творчество*. – Киев.
- Карлейль Т. 1994. *Теперь и прежде*. – М.
- Карцева Т.Б. 1989. Влияние события на самосознание личности. – *Формы и методы социального познания*. – Калинин.
- Козенко А.В. 1985. *Джунгли*. – М.
- Козенко А.В. 1997. *Эддингтон*. – М.
- Корсаков С.Н. 1997. *Человеческая индивидуальность как социально-философская проблема. Дисс. ... канд. филос. наук*. – М.
- Корсаков С.Н. 1998. Советский некролог как историко-антропологический источник. – *Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации*. – М.
- Логинова Н.А. 1985. Жизненный путь человека как проблема психологии. – *Вопросы психологии*. – № 1.
- Лотман Ю.М. 1987. *Сотворение Карамзина*. – М.
- Мороз О.П. 1989. *Прекрасна ли истина?* – М.
- Мошкова Г.Ю. 1994. Биографический метод и творческая личность учёного. – *Вопросы психологии*. – № 2
- Ортега-и-Гассет Х. 1991а. В поисках Гёте. – Ортега-и-Гассет Х. *Эстетика. Философия культуры*. – М.
- Ортега-и-Гассет Х. 1991б Гойя. – Ортега-и-Гассет Х. *Дегуманизация искусства*. – М.

- Павлова Т.А. 1990. Историческая биографистика в СССР. – *Новая и новейшая история*. – № 2.
- Риккерт Г. 1998. *Науки о природе и науки о культуре*. – М.
- Соколовская З.К. 1988. *400 биографий учёных*. – М.
- Соловьёв Э.Ю. 1981. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. – *Вопросы философии*. – № 9.
- Фролов И.Т. 1989. *О человеке и гуманизме*. – М.
- Энциклопедический словарь... 1989(репринт). *Энциклопедический словарь Гранат «Деятели СССР и революционного движения в России»*. Т. 40–41.
- Ярошевский М.Г. 1974. Биография учёного как науковедческая проблема. – *Человек науки*. – М.
- Auttobiography... 1826–1833. *Auttobiography. A collection of the most instructive and amusing lives ever published, written by the parties themselves*. – London.
- Biographischen Blatter... 1895. *Biographischen Blatter*, 1.
- Droysen I.G. 1943. *Historik*. – Munchen.
- Dilthey 1927. *Gesammelte Schriften*. VII.
- Gruber H. 1977. Cognitive psychology, scientific creativity and case study method. – *On scientific discovery: The Erice lectures*.
- Harnack A. von 1955. Biographie und Diskrtion. – *Die Welt Geschichte*, 15.
- Klaiber T. 1921. *Die deutsche Selbstbiographie*. – Stuttgart,.
- Maurois A. 1928. *Aspects de la biographie*. – Paris.
- Misch G. 1907. *Geschichte der Autobiographie*. Bd. I. H. 1.
- Muir E. 1954. *An Autobiography*. – London.
- Muller I. 1933. Dilthey and das Problem der historischen Biographie. – *Archiv fur Kulturgeschichte*, 23.
- Paskal R. 1960. *Design and truth in autobiography*. – London,
- Romein Y. 1948. *Die Biographie. Einfuhrung in ihre Geschichte und ihre Problematik*. – Bern.
- Spender S. 1955. *Confessions and autobiography (The making of a poem)*. – London.